

Научная статья
УДК 821.512.31
DOI 10.18101/2686-7095-2023-2-9-15

ТЕМА СЕМЬИ И РОДА В ПРОЗЕ БУРЯТИИ 1970–1980-х гг.

© Бадужева Гунэма Цыдыповна

кандидат филологических наук, доцент,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6
badgu@mail.ru

Аннотация: Тема семьи и рода играет важную роль в прозе Бурятии. В произведениях бурятских писателей 1970–1980-х гг. создавалась в основном модель патриархальной семьи, перипетии ее истории вписаны в «большую историю» страны. Герои работают на благо родной страны, но в соответствии с временем их частная жизнь, в том числе семейная, наполненная повседневными заботами и мелочами, оказывается не менее интересной и художественно осмысливается. Так, сюжет повести Ш.-С. Бадлуева «Счастья тебе, Сыдылма!» построен на потере и обретении семьи как главной ценности в жизни человека, без которой невозможна полнота бытия. В повести Ц. Галанова «Дарима» и романе Ц.-Ж. Жимбиева «Течение» показана важная составляющая темы семьи — женские образы: дочь, невеста, жена, мать, бабушка и т. д., их судьба в военное и послевоенное время. Другое решение темы семьи и рода, связанное с мировоззренческими вопросами, дано в творчестве Д. Эрдынеева.

Ключевые слова: бурятская литература, проза, Шираб-Сэнгэ Бадлуев, Цыден-Жап Жимбиев, Цырен Галанов, Доржи Эрдынеев, семья, род, патриархальная семья, женские образы, ценности.

Для цитирования

Бадужева Г. Ц. Тема семьи и рода в прозе Бурятии 1970–1980-х гг. // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2023. Вып. 2. С. 9–15.

Тема семьи играет важную роль в бурятской литературе, так как семья и род как историческая общность выступают носителями и хранителями духовных ценностей, трансляторами накопленного социального опыта и нравственных норм, а изменения института семьи носят мировоззренческий характер. О. Ю. Осьмухина верно отмечает, что «тема рода как основы семейной жизни, человеческого “самостояния” и семьи как вполне конкретного воплощения родовой целостности становится одной из устойчивых в мировой литературе с древнейших времен» [9, с. 286].

В произведениях бурятских писателей второй половины XX в. создавалась в основном модель патриархальной семьи, в которой знали и почитали как минимум семь поколений предков, мужчина был главным и принимал решения, определяющие судьбу отдельных членов семьи и в целом семьи, высоко ценились родственные связи и др. Правда, в книгах 1970–1980-х гг., в которых показан послевоенный быт, главой семьи становится в основном женщина, но и в этом случае роль мужчины не умалялась, рано взрослевшие сыновья занимали место отцов.

Ценность семейного начала подчеркнута и тем, что в названиях как сильную позицию текста зачастую выносятся слова, характеризующие принадлежность к семье, роду: «Просто — мать...» Ц.-Д. Дамдинжапова, «По зову матери» Ж. Тумунова, «Материнская правда» Ц. Шагжина, «Сын табунщика» Ц. Номтоева, «Доржи, сын Банзара», «Улигер дедушки Базара» Ч. Цыдендамбаева, «Поворот с дороги предков» К. Маланова, «Сын отца», «Далекая невестка» Ц. Галанова, «Зов предков и звуки грядущего» Б. Мунгонова, «Сестры» А. Бальбурова, «Сын отца», «Невестка» Ц. Галанова, «А дедушке Шулуну скажу...», «Его родовое имя» К. Балкова, «Огонь в очаге» Г. Раднаевой, «Моя родословная» Н. Дамдинова, «Большая родословная», «Отцовская любовь», «Внуки Тубэргэна» Д. Эрдынеева, «Дни дедушки Бизья» С. Цырендоржиева, «Зов матери» Б. Ябжанова, «Материнское сердце» Ц.-Д. Хамаева, «Братнина литовка», «Вся деревня, вся родня», «Родова» К. Карнышева, «Сказка об отцовском сердце» С. Захаровой, «Отцовская коновязь» А. Лыгденова, «Нагаса эжы», «Ахай», «А наш брат в армию уехал» Б. Молонова и др.

Многие сюжеты построены на перипетиях родовой и семейной истории, вписанной в «большую историю». Герои бурятской прозы 1970–1980-х гг. работают на благо родной страны, но в соответствии с особенностями времени их частная жизнь, в том числе семейная, наполненная повседневными заботами и мелочами, оказывается не менее интересной и художественно осмысливается. Остановимся подробнее на нескольких произведениях, в которых система персонажей выстроена по принципу родства, проблемы семьи, рода, памяти поколений определяют сюжетобразующие коллизии, сюжетные и композиционные приемы, образ дома становятся смысловым ядром.

Сюжет повести Ш.-С. Бадлуева «Счастья тебе, Сыдылма!» (1970) построен на потере и обретении семьи как главной ценности в жизни человека, без которой невозможна полнота бытия. В краткой предыстории автор подчеркивает, что история Дамдина и его семьи, вписанная в историю страны, типична для того времени. Пока герой воевал, мать жила у родственников, их «ветхий дом (образ дома тесно связан с анализируемой темой. — Г. Б.) стоял хмуро, одиноко, без крыши, без стекол. Каждый звук отдавался в пустых стенах страшным мерцающим гулом» [1, с. 6] (здесь и далее курсив наш. — Г. Б.). Через четыре дня после свадьбы вернувшегося с войны сына, узнав ласковые руки своей невестки¹ [1, с. 7], сполна испытав материнское счастье, старушка ушла из жизни. Дальше автор сообщает, что молодая семья через год отремонтировала заброшенный дом [1, с. 7], изготовила мебель, завела огород, расширила хозяйство, держала поросенка, корову, бычка, каждую зиму забивала на мясо скотину. У них родился сын, через год — второй сын, потом дочь. «Семья стала похожей на семью: Дамдин и Дарима растили троих детей и были счастливы» [1, с. 7]. Писатель подчеркивает типичность этапов семейной жизни главного героя, так жили многие советские семьи в послевоенные годы. Счастливая жизнь закончилась со смертью жены.

На помощь осиротевшей семье по поручению председателя приходит Сыдылма, над чьей некрасивостью Дамдин когда-то зло и безжалостно подшутил,

¹ В национальной картине мира важно женить сына, быть обихоженой невесткой, помочь в воспитании внуков, передать им свой жизненный опыт.

помешав намечающейся свадьбе, оставив без мужа и детей. Повествование движется неспешно, показывая, как меняется отношение героини к порученному делу (вначале воспринимала как обычную работу, например очистку зерна), как чужой дом становится своим, как из-за сострадания к детям и нежелания причинять им боль принимает нелегкое решение расстаться с любителем женщин и выпивки Ильей, как меняется Сыдылма, переходя из статуса гостя в статус матери и жены, как обретают семейное счастье два одиноких взрослых человека и трое осиротевших детей. Процесс превращения чужого дома, чужого пространства в «свое», создания новой семьи можно проиллюстрировать следующими цитатами: «Не было у меня детей. Таких, как я, наверно, не любят маленькие. Может, они чувствуют, что *чужая я, непривычная к детям, грубая?*» [1, с. 15]; «Увидев отца (после выписки из больницы. — Г. Б.), дети с радостным криком бросились к нему. Он прижимался губами к детским головкам¹, вдыхал *родной нежный запах*, гладил их волосы здоровой рукой» [1, с. 21]; «Как изменился дом Дамдина! Светлые лучи полуденного солнца вливались сквозь чисто вымытые стекла. Дамдин видел все вокруг в новом свете. *Стол и стулья крепко стояли на ногах, постели стали пухлыми и аккуратными, посуда пропиталась приятным запахом чистоты. Воздух ароматен*, как на лужайке, усыпанной цветами. <...> “Тук-тук” — это в деревянном корыте-тэбшэ *рубят* Сэдэлма мороженое мясо. “Дзинь...” *Ковш задел край* алюминиевого бачка. *Острый нож режет лапшу* — даже этот *шорох* доходит до него. *Кухня дышит*. <...> *затрещали* смоляные поленья, *загудело* в трубе. А потом в комнату *прокрался запах бурятского супа*» [1, с. 21]. Процесс обретения семьи и ощущение полноты семейного счастья передаются, как отмечено выше, через создание «своего» пространства, наполненного бытовыми деталями и мелочами, звуками и запахами³, непритязательными на первый взгляд, но приобретающими в восприятии героев повести символическое значение.

Важной составляющей темы семьи и рода являются женские образы — дочери, невесты, жены, матери, бабушки и др. Так, в повести Ц. Галанова⁴ «Дарима»⁵

¹ В этом жесте героя передана национальная специфика: буряты не проявляли чувства открыто.

² В рассказе современного автора Б. Молонова «Нагаса эжы» образ любимой бабушки неразрывно связан с запахом домашнего национального супа с собственноручно приготовленной лапшой: «Как бы хотелось съесть ее *талхатай шулэ* (суп с лапшой. — Г. Б.). Никто так вкусно не варит талхатай шулэ, как моя нагаса эжы» [8, с. 36].

³ Подобный прием использования сенсорных образов (звуковых, осязательных) применяет Б. Молонов в книге «Танец орла»: «Как бы хотелось прижаться к ее груди и вдохнуть ее запах, такой *родной запах* моей нагаса эжы. Не знаю даже, что это за запах, но я узнаю его из тысячи других!» [8, с. 36], «И всегда детство ассоциировалось с *самым вкусным на свете нагаса эжын шанаһан талхатай шулэнтэй*, с ее рассказами о своей жизни, с ее песнями, когда щемит душу от протяжности и чего-то такого, которое невозможно определить, которое можно лишь почувствовать, с ее *запахом, запахом санзай, дыма и еще чего-то непонятного*. Приятный *запах нагаса эжы*» [8, с. 147–148].

⁴ В прозе Ц. Галанова тема семьи занимает большое место («Сын отца», «Далекая невестка», «Дарима», «Первый снег» и др.).

⁵ Вынесенное в название имя героини, которым тогда часто называли девочек, указывает на типичность женской судьбы в описываемое в повести время. Позднее повесть получила другое название — «Время созревания брусники».

(1973) показана типичная судьбы женщины в военное и послевоенное время¹. Описание рук главной героини, с семнадцати лет работавшей дояркой, становится завязкой повествования и в финале композиционно закольцовывает произведение: «Я смотрел на ее пальцы — *длинные, тонкие*, удивляясь им: такие пальцы бог дает музыкантам. И хоть у Даримы от трудной работы они *огрубели, припухли в суставах*, но сохранили свою *красоту и легкость*» [4, с. 7], «...и стали мои пальцы, как *мохнатые сучья*» [4, с. 7], «*Грубые, потемневшие, потрескавшиеся ладони, распухшие в суставах пальцы*» [4, с. 8], «...*узловатые, изуродованные ревматизмом пальцы*» [4, с. 8], «Она поднесла к лицу руки — *грубые, потемневшие, с узловатыми пальцами. Крепкие, добрые, рабочие* руки» [4, с. 102]. Несмотря на все испытания: рано оставшись без родителей, в войну похоронила бабушку, стала опорой дедушке, вместо учебы в школе пошла работать на ферму, любимый Бато погиб на войне, родила сына от силой взявшего ее Галдана, Дарима не озлобилась, честно работала, стала Героем Социалистического труда, — одна достойно воспитала сына. Мечта героини — стать музыкантом и играть на хуре — осуществилась в таланте сына Баира, который хорошо рисует и станет художником. Частные, как будто локальные подробности на деле придают эпичный масштаб изображенной жизни.

В романе Ц.-Ж. Жимбиева «Течение» (1978) предстает еще одна типичная женская судьба. Композиционный прием чередования воспоминаний и событий, происходящих в настоящем, а также символические образы разливающейся во время наводнения воды и льющегося молока²: «Молоко вскипает белой пеной и ... с бульканьем, словно тесно ему в алюминиевой фляге, льется на землю, смешиваясь с грязью. Еще из одного бидона течет белый ручей. Вокруг третьего образовалась молочная лужа. Все под ногами забелело молоком» [5, с. 3] — позволяют показать прожитые главной героиней Сэрэнцу Баторовой тридцать лет после мимолетной встречи с мужем, в 1945 г. проехавшем мимо родных мест на войну с

¹ Во многих произведениях 1970–1980-х гг. (зачастую повествование в них носит диахронный характер. — Г. Б.) показана судьба женщин во время войны и в послевоенный период. Многие не дождалась с войны мужа или жениха, трудились в колхозе, растили детей. В бурятской прозе частотен образ матери, наделенный чертами матерей самих авторов, чье детство пришлось на годы войны, а юность — на годы восстановления народного хозяйства («Год огненной змеи» Ц.-Ж. Жимбиева, «Куда ускакал конь» Б. Ябжанова, «Где ты, моя утренняя звезда» С. Цырендоржиева, «Материнское сердце» Ц.-Д. Хамаева, «Щедрое сердце» Б. Мунгонова и др.). В повестях «В тени старого дома» Д. Эрдынеева, «Найденный» Н. Очирова, «Месть» М. Осодоева, «В том далеком хотоне» Ц.-Д. Хамаева, «Год огненной змеи» Ц.-Ж. Жимбиева, «Куда ускакал конь» Б. Ябжанова, «Где ты, моя утренняя звезда» С. Цырендоржиева, на часть из которых оказала влияние лирическая проза 1960–1970-х гг. [7, с. 108], с образом матери неразрывно связан образ рано повзрослевшего подростка. Писатели нарисовали и судьбу молодой девушки, потерявшей на войне жениха («Дарима» Ц. Галанова, «Над пропастью» Ц.-Д. Хамаева и др.).

² Героиня во время наводнения оказалась со стадом на вершине недалеко от Тасархая. Никогда до этого не пролившая ни одной капли молока, она вынуждена доить коров, чтобы они не мучились, и выливать удой.

Японией, и переезда на Тасархайскую ферму. Потеряв Зандана, погибшего на Восточном фронте, героиня верна ему, воспитывает сына Баира¹, поддерживает свекра Боди. Показаны судьбы и других женщин: подруга Пагма родила детей от разных отцов, всех сумела поднять на ноги; некрасивая молодая доярка Ленхобо очень хочет выйти замуж и родить ребенка, но из-за того, что мужчин в деревне после войны мало, ей скорее всего не суждено будет испытать счастье материнства. Через панораму жизни и истории семей Зандана и Сэрэнцу Бодиевых, ее коллег-доярок показывается трудное послевоенное время, акцентируется внимание на нравственных ориентирах героинь, системе семейных ценностей.

Другое, более сложное решение темы семьи дано в творчестве Д. Эрдынеева — романы «Большая родословная», «Аргамак ищет хозяина», «Расплата», повести «В этой жизни», «В тени старого дома», цикл рассказов «Нравы Тубэргэнов», рассказы «Отцовская любовь», «Внуки Тубэргэна», «Тоонто», пьесы «Бальжин хатан», «Святое подношение» и др. Писатель вписывает анализируемую тему в контекст родового начала, отражающего как устойчивую нравственную ценность, так и важную часть национальной ментальности, связанную с понятием «удха» (корень). Нами подробно рассмотрен мотив родового начала в прозе указанного автора [2], поэтому коснемся лишь нескольких значимых для анализируемой темы моментов.

Эрдынеев показывает изменение в новых условиях вековых устоев семейной и родовой жизни. Сюжетообразующие коллизии противопоставления и столкновения двух родов («Тоонто», «Время покоса», «Большая родословная», «В тени старого дома», «Аргамак ищет хозяина», «Расплата»), конфликт между старшим и младшим поколениями семьи/рода («Половодье», «Время покоса», «Гостья», «Такая сильная любовь», «В этой жизни», «Аргамак ищет хозяина», «В тени старого дома», «Большая родословная») позволяют определить правильность или ошибочность выбранной героиней позиции.

Главные героини эрдынеевских книг, чрезвычайно дорожащие понятиями родового имени и родовой чести, в момент кризиса понимают, что силой рода является правильное определение главных принципов бытия. Как верно отмечает В. В. Башкеева, «семья есть звено в череде поколений рода, когда традиция наследуется от пращура к потомкам. Причем скрепляющим началом являются не столько кровные связи, сколько нравственные» [3, с. 24]. Так, в романе «Большая родословная» жизнь двух родов тесно переплетена, в том числе родственными связями. И у Арьяевых, чье родовое начало подчеркнуто даже деталями портрета, например, «холодный арьятановский блеск» глаз [11, с. 31], и у Лыксэковых собственный уклад, свои нравственные принципы. Двухэтажный дом с просторной усадьбой Арьятан, которые на первое место ставят материальные интересы, и скромная городская квартира Лыксэковых, живущих прежде всего интересами любимого дела, противопоставляются, как и жизненные позиции основателей родов, когда-то бывших закадычными друзьями. Первый так и не становится по-настоящему родовым домом, остается холодным и замкнутым, тогда как второй открыт, полон жизни и друзей. Арья отменяет «золотую свадьбу, которая должна

¹ Если здесь женщина растит сына одна, потому что муж погиб на войне, то в современной прозе причины появления большого числа неполных семей уже другие, что будет проанализировано в последующих работах.

была показать богатство, прежде всего материальное, и силу Арьятан, потому что приходит к пониманию «одиначества» своего рода, его отчужденности от общества¹ [10, с. 79], мирится со старым другом Лыксэком Гынденовым. Позицию главы рода поддерживает часть молодого поколения, что позволяет надеяться на возрождение рода. Как видим, в творчестве Д. Эрдынеева тема семьи и рода связана с решением мировоззренческих вопросов.

Таким образом, в бурятской прозе 1970–1980-х гг. предприняты попытки осознания родо-семейных отношений, дающие возможность ответить на сложные вопросы. Писатели подчеркивают важность идеи ценности рода и семьи, которая «есть целый остров духовной жизни» [6, с. 8], семейных и родовых принципов, от которых зависит воспитание личности.

Литература

1. Бадлуев Ш.-С. Б. Счастья тебе, Сыдылма! // Писатели Аги. XX век: в 5 томах. Т. 3. Бадлуев Ш.-С. Б. Счастья тебе, Сыдылма! Зула-цветок. Белая степь: повести. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2005. С. 5–43. Текст: непосредственный.
2. Бадуева Г. Ц. Мотив родового начала в прозе Д. Эрдынеева // Культура Центральной Азии: письменные источники. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2021. Вып. 14. С. 118–127. Текст: непосредственный.
3. Башкеева В. В. От одинокого героя к герою в семье: вектор семьи в творчестве зрелого Пушкина // Вестник БГУ. Филология. 2020. № 2. С. 21–26. Текст: непосредственный.
4. Галанов Ц. Р. Дарима // Галанов Ц. Р. Вечная весна: повести: перевод с бурятского. Москва: Советская Россия, 1984. С. 3–102. Текст: непосредственный.
5. Жимбиев Ц.-Ж. А. Течение: роман, рассказы / перевод с бурятского; послесловие А. Белоусова. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1982. 336 с. Текст: непосредственный.
6. Ильин И. А. О семье // Семья — величайший дар: антология произведений русских писателей. Москва: Центр книги, 2008. С. 5–11. Текст: непосредственный.
7. История бурятской литературы: в 3 томах. Т. 3. Современная бурятская литература (1956–1995). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. 298 с. Текст: непосредственный.
8. Мобу. Танец орла. Улан-Удэ, 2014. 192 с. Текст: непосредственный.
9. Осьмухина О. Ю. Специфика воплощения темы рода в отечественной прозе рубежа XX–XXI вв. // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 1. С. 286–289. Текст: непосредственный.
10. Фролова И. В. Художественное осмысление семейного начала в литературе Бурятии // Евразийский фронт: общее ментальное пространство в русской и монгольской культурах. Улан-Батор, 2006. С. 78–80. Текст: непосредственный.
11. Эрдынеев Д. О. Большая родословная: роман / авторизованный перевод с бурятского А. Верецагиной. Москва: Советский писатель, 1983. 368 с. Текст: непосредственный.

Статья поступила в редакцию 16.04.2023; одобрена после рецензирования 29.04.2023; принята к публикации 18.05.2023.

¹ Схожие с мыслями Арьи слова произносит бабушка десятилетней Дулмадай («На отшибе» М. Осодоева). Янжима говорит сыну Мархаю, что в их роду никогда не было корыстных людей, просит сына одуматься и принять правильное решение ради детей, которым в дальнейшем предстоит жить в обществе. Для представителя старшего поколения важны ценностные ориентиры внуков, которые должны быть получены в семье.

THEME OF FAMILY AND ANCESTRY
IN BURYAT PROSE OF THE 1970–1980s

Gunsema Ts. Badueva

Cand. Sci. (Phil.), A/Prof.,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

6 Ranzhurova St., Ulan-Ude 670000, Russia

badgu@mail.ru

Abstract. The theme of family and ancestry plays an important role in the prose of Buryatia. The works of Buryat writers of the 1970–1980s represented typically a model of patriarchal family; the vicissitudes of its history are inscribed in the "great history" of the country. The heroes work for the good of their native country, but in tune with the times, their private life, including family one, filled with everyday worries and trifles, turns out to be no less interesting and artistically comprehended. So, the plot of Sh.-S. Badluev's novella "Happiness to you, Sydylma!" is built on the loss and acquisition of the family as a core value of human life, without which the fullness of life is impossible. The novella by Ts. Galanov and Ts.-Zh. Zhimbiev's novel "Current" represent an important component of the family theme — female images: daughter, bride, wife, mother, grandmother, etc., their fate in the war and post-war periods. D. Erdyneyev develops a theme of family and ancestry through worldview issues in his works.

Keywords: Buryat literature, prose, Shirab-Senge Badluev, Tsyden-Zhap Zhimbiev, Tsyren Galanov, Dorzhi Erdyneyev, family, genus, patriarchal family, female images, values.

For citation

Badueva G. Ts. Theme of Family and Ancestry in Buryat Prose of the 1970–1980s. *Bulletin of Buryat State University. Philology.* 2023; 2: 9–15 (In Russ.).

The article was submitted 16.04.2023; approved after reviewing 29.04.2023; accepted for publication 18.05.2023.